

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

КОРОЛЬ, ОТЕЧЕСТВО И ПРУССКАЯ НАЦИЯ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАТРИОТИЗМ В ПРУССИИ В ГОДЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ВОЙН (1813–1815 ГОДЫ)

Д. В. Стерхов

Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова, Москва, Россия

Освободительные войны (1813–1815 гг.) традиционно рассматриваются в исторической науке как ключевой эпизод немецкой национальной истории, период становления массового национального движения в Германии. Подобный подход сформирован боруссианской историографией второй половины XIX в. Однако в работах немецких и англо-американских историков последних лет всё больше внимания уделяется фактору регионализма и локального патриотизма, при этом подчеркивается тот факт, что в наполеоновскую эпоху национальная идеология формировалась на уровне отдельных немецких государств, а не всей Германии в целом. Показательным примером может служить Пруссия, где в эпоху Наполеоновских войн была создана государственно-патриотическая идеология, носившая религиозный и монархический характер. Важнейшим патриотическим символом являлась фигура монарха, структурные элементы образа прусского короля подробно анализируются в статье. Также существовало представление о прусском «Отечестве», защита которого объявлялась священным долгом каждого пруссака. Все подданные прусского короля воображались как единый политический коллектив, как «прусская нация» в политическом смысле. У этой «нации» имелась своя собственная история, свои «национальные» герои, своя «национальная» армия. При этом в прусской патриотической пропаганде достаточно мало внимания уделялось общенемецкой тематике. Пример Пруссии позволяет иначе взглянуть на Освободительные войны и выделить фактор регионализма, локального патриотизма как не менее важный мобилизационный ресурс, чем немецкая национальная идеология.

Ключевые слова: *Освободительные войны, Наполеоновские войны, Пруссия, Фридрих Вильгельм III, королева Луиза, локальный патриотизм, немецкая национальная идея, религиозный патриотизм, Герхард фон Шарнхорст, Гогенцоллерны.*

Начиная с середины XIX в. в немецкой историографии эпохи Освободительных войн стало формироваться представление об общенемецком национальном подъеме, имевшем место в германских землях в 1813–1815 гг. Примерно в это же время стала зарождаться идея о «немецкой миссии Пруссии», одним из авторов которой считается крупный немецкий историк Густав Дройзен [Droysen: 1846, P. 677–680]. Сторонники подобной трактовки, к которым также относились Людвиг Хойссер [Häusser: 1869, P. 239–240], Генрих фон Зибель [Sybel: 1860], Генрих фон Трейчке [Treitschke: 1904, P. 268–269], рассматривали Освободительные войны как важнейший этап в процессе конституирования немецкой нации, которая в борьбе с наполеоновской Францией приобрела более четкие очертания. При этом особо подчеркивалась роль Пруссии, которая, по мнению авторов XIX в., внесла наибольший вклад в разгром Наполеона и поэтому могла претендовать на лидирующие позиции в германском мире. Подобная трактовка Освободительных

войн оказала существенное влияние на историографию XX в. Несмотря на то, что положение о «немецкой миссии Пруссии» уже давно не поддерживается немецкими историками, тем не менее период 1813–1815 гг. во многих работах продолжает рассматриваться как «ключевое событие современной немецкой национальной истории» [Brandt: 1999, P. 17]. Подобный подход характерен не только для зарубежной [Prignitz: 1981; Dann: 1994; Nipperdey: 1994; Simon: 2010], но и для отечественной историографии [Национальная идея...: 2005, С. 406–417; Прокопов: 2005; Патрушев: 2007, С. 197–203].

Однако начиная с 1970-х гг. в немецкой исторической науке наметился определенный поворот в трактовке Освободительных войн. Многие исследователи стали ставить под сомнение тезис о массовом национальном подъеме, имевшем место в Германии в эпоху Наполеоновских войн. Гораздо больше внимания авторы стали уделять локальному патриотизму, местным династическим и территориальным привязанностям, которые, по

мнению историков, значительно превалировали над общенемецким национальным чувством. Новый подход к трактовке событий 1813–1815 годов базировался в первую очередь на прусском материале. Одним из первых, кто обратил внимание на важность локального патриотизма в Пруссии, был Рудольф Иббекен, чья работа «Пруссия 1807–1813. Государство и народ как идея и реальность» стала поистине революционной. Развешивая мифы о немецком национальном восстании, Иббекен приходил к выводу о том, что в Пруссии сложилась особая форма династического патриотизма, который являлся более эффективным средством мобилизации населения Пруссии, чем немецкая национальная идея. По мнению Иббекена пруссаки были «не немецким народом в Пруссии, а, скорее, прусским народом в Германии» [Ibbecke: 1970, P. 437]. Также ревизии подвергалась и идея о том, что в качестве главной цели борьбы против Наполеона прусская политическая элита рассматривала объединение Германии под властью прусского королевства. «В Пруссии интерес в создании единого немецкого национального государства равнялся нулю», – писал в 1983 г. другой немецкий историк, Йоханнес Вилльмс. – «Восстановление могущества Пруссии шло рука об руку с возрождением прусского партикуляризма. В особенности прусское дворянство, которое продолжало играть ведущую роль в прусской политике, видело в Пруссии скорее европейское, чем немецкой государство» [Willms: 1983, P. 114]. Работы англо-американских [Levinger: 2000] и немецких [Carl: 2000; Planert: 2007; Nagemann: 2015] историков последних лет показывают, что подобная трактовка имеет право на существование и мы можем говорить о самом настоящем прусском национальном самосознании, которое сложилось в Пруссии в начале XIX в.

Поворотным моментом прусской истории стал 1806 г., который делит историю Пруссии на две части: окончательно уходит со сцены классическая «старая» Пруссия (*altes Preußen*) и закладываются основы «новой» Пруссии, которая вступает на путь прогрессивных реформ (*Preußen der Reformzeit*) [Mirow: 1981, P. 11]. «Новая» Пруссия рождалась на обломках «старой», фридрицианской Пруссии, уничтоженной наполеоновскими войсками под Йеной и Ауэрштедтом в октябре 1806 г. В результате печально известного двойного сражения прусская армия, которая долгое время считалась самой сильной в Европе, была наголову разбита, а вместе с ней, как карточный домик, стало рушиться и прусское королевство, оказавшееся на грани уничтожения. Королевская

семья была вынуждена бежать в восточные окраины своего разгромленного государства, Берлин (столица Пруссии) был занят Наполеоном, государство было фактически оккупировано врагом. Тильзитский мир спас Пруссию от полного исчезновения, однако территория и население королевства сократилась практически вдвое. Кроме того, Пруссия была обязана выплачивать Франции непомерную контрибуцию, которая тяжким бременем легла на страну. К началу наполеоновского похода на Россию, в котором Пруссия тоже была вынуждена участвовать, королевство оказалось на грани государственного банкротства [Handbuch: 1992, P. 38]. Такова была цена поражения 1806 г.

Естественно, что в подобных условиях не могло быть и речи ни о какой «немецкой» политике Пруссии. Главная задача, которая стояла перед прусской политической элитой, заключалась в восстановлении практически полностью разрушенного государства, для чего было необходимо как можно скорее выплатить контрибуционные платежи, от скорейшего погашения которых зависела политическая независимость государства. Традиционно прусские либеральные реформы 1808–1812 гг. рассматриваются с экономических и социальных позиций, однако в этом вопросе можно выделить и другой не менее важный аспект. Реформы были призваны не только возродить прусскую экономику, но и восстановить пошатнувшийся авторитет армии и правительства внутри государства. Конечная цель, которую преследовали прусские реформаторы, предусматривала возрождение военной и политической мощи страны для того, чтобы успешно бороться с наполеоновской Францией и взять реванш за поражение 1806 г. Прусские чиновники высшего ранга понимали, что без мобилизации населения, заинтересованного в сохранении прусского государства и мотивированного на его защиту, добиться этого не удастся. По этой причине либеральные реформы были призваны не только решать экономические задачи, но и создать представление о некоей общности, которая объединяет всё население прусского королевства в единый политический коллектив. Поначалу подобные идеи были характерны в первую очередь для прусской политической элиты, поэтому применительно к периоду 1808–1812 гг. исследователь Мэттью Левингер использует понятие «бюрократический национализм» [Levinger: 2000, P. 65–66].

До весны 1813 г. активная мобилизация населения существовала только в планах и проектах прусской военно-политической элиты. Шанс во-

плотить эти планы в жизнь представился в марте 1813 г., когда король Фридрих Вильгельм III решился объявить войну Наполеону. Этому отчаянному шагу, который был близок к авантюре, предшествовал долгий период колебаний и сомнений. Даже сокрушительное поражение французской армии в России не сразу убедило прусского короля в том, что появился реальный шанс положить конец наполеоновской гегемонии. Два фактора способствовали изменению позиций прусского монарха: решимость российского императора Александра I продолжать военные действия против Наполеона, а также несанкционированная прусским правительством деятельность барона фон унд цум Штайна по созданию народной добровольческой милиции (ландвера) в Восточной Пруссии. Кроме того, на военных действиях настаивало и окружение короля [Handbuch: 1992, P. 48–49]. 28 февраля 1813 г. Россия и Пруссия заключили Калишский союзный договор, ставший началом Шестой коалиции, а 16 марта Фридрих Вильгельм III объявил Франции войну.

Боруссианская историография второй половины XIX в. видела в этом событии начало борьбы Пруссии за освобождение всей Германии от наполеоновского господства; именно в Пруссии якобы началось общенациональное немецкое восстание против французов [Akaltin: 1997, P. 284–285]. В действительности же прусское политическое руководство в марте 1813 г. вряд ли думало о немецком общенациональном движении, особенно учитывая то обстоятельство, что Пруссия являлась практически единственным (вместе с Мекленбургом) немецким государством, которое решилось на борьбу с наполеоновской Францией. Австрия заняла выжидательную позицию и вступила в коалицию только в августе, а остальные немецкие государства продолжали быть верными союзниками Франции, объединенные в Рейнский Союз, то есть фактически являлись врагами Пруссии. Весной 1813 г. перед прусским правительством стояла совсем другая задача – мобилизовать население на защиту Отечества, усилить военные силы страны за счет добровольческих формирований (Ландвер) и создать условия для того, чтобы общество ассоциировало себя с целями войны, которую ведет государство. Прусское правительство четко отдавало себе отчет в том, что победить в предстоящей войне и возродить мощь и величие Пруссии можно только путем достижения этих целей. Кабинетная война «по-старому» была уже невозможной.

Отличительной особенностью прусской патриотической идеологии являлось то обстоятельство,

что она была неразрывно связана с фигурой короля. Фридрих Вильгельм III с самого начала пытался встать во главе патриотического движения и не допустить его самостоятельного, не регулируемого государством развития, как это было в феврале 1813 г. в Восточной Пруссии. Патриотические чувства населения должны были быть тесно связаны с личностью монарха. Не случайно война с Францией началась с беспрецедентного события – знаменитых манифестов Фридриха Вильгельма III «К моему народу» и «К моему войску». Фактически эти документы представляли собой обращение монарха к своей нации с просьбой встать на защиту Отечества, при этом в манифесте «К моему народу» были вполне конкретно названы члены этой нации – «брандербуржцы, пруссаки, силезцы, померанцы, литовцы»¹, то есть жители всех тех провинций, которые остались в составе Пруссии по Тильзитскому миру 1807 г. От всех тех, к кому был обращен этот патриотический призыв, требовались жертвы во имя Отечества и прусского короля, который тем самым брал на себя роль главы нации.

Представление о короле как центральной фигуре патриотического движения активно пропагандировалось прусским государством и проникало в массы через официальную патриотическую идеологию. Для достижения этой цели прусское правительство прибегало к помощи протестантской церкви, чей мобилизационный ресурс был максимально задействован в ходе Освободительных войн. Пасторам предписывалось зачитывать с церковных амвонов официальные манифесты и воззвания, организовывать религиозно-патриотические праздники, собирать пожертвования для армии, вести списки добровольцев и – самое главное – укреплять патриотический дух населения через проповеди. Проповедь являлась одним из наиболее эффективных средств патриотической пропаганды, ибо каждый пруссак регулярно посещал церковь, но далеко не каждый читал газеты или публицистическую литературу, поэтому то, что он слышал из уст пастора, имело больше шансов оказать влияние на его сознание, чем то, что было напечатано на бумаге. По этой причине прусское политическое руководство стремилось использовать духовенство для укрепления монархических и династических привязанностей среди населения. Имя короля в обязательном порядке упоминалось в проповедях, после каждого богослужения прихожане читали специальную мо-

¹ Universal-Geschichte unsers Zeitalters seit dem Anfange der französischen Revolution, nebst Anekdoten. Fünftes Buch. Nürnberg, 1814. S. 90.

литву во здравие монарха и его семьи, при этом внимание всячески акцентировалось на «исконности» и «законности» правителя, его неразрывной связи с народом. В силу объективных обстоятельств образ монарха был религиозно окрашен: духовенство пропагандировало идею о короле, данном прусскому народу самим Богом, что еще больше подчеркивало легитимность правителя в глазах населения и обосновывало его претензии на роль «руководителя» антинаполеоновским движением [Graf: 1983, P. 42]. Быть хорошим христианином в данной трактовке означало быть истинным патриотом и любить «своего» (в проповедях чаще всего употреблялось местоимение «наш») монарха.

Образ короля складывался из трех основных компонентов. Как было отмечено выше, в сознании населения укоренялось представление об «исконности» правящего дома Гогенцоллернов, который неразрывно связан с прусским народом долгой совместной историей. Ярким примером может служить грандиозное празднование годовщины сражения под Лейпцигом, которое было организовано в Пруссии в октябре 1815 г. Если во многих других частях Германии, где праздновалось это событие, «битва народов» воспринималась как общенемецкое национальное событие, то в Пруссии торжественные мероприятия имели специфический характер. Для населения королевства праздник фактически терял свое немецкое национальное наполнение хотя бы потому, что был оторван от реальных дат Лейпцигского сражения (16–19 октября 1813 г.) и отмечался 22 октября. Дата была избрана не случайно: именно в этот день (точнее, 21 октября 1415 г.) сословия Бранденбурга принесли присягу верности своему новому правителю, бургграфу Нюрнберга Фридриху фон Цоллерну, который стал основателем правящего дома Бранденбурга-Пруссии. Сочетая в одной дате (которая сама по себе была скорее символической, так как не совпадала ни с годовщиной сражения под Лейпцигом, ни с реальным назначением бургграфа Фридриха курфюрстом Бранденбурга) два таких разных праздника, прусское правительство стремилось уменьшить в глазах населения «национальный» компонент и уделить больше внимания укреплению монархических чувств среди подданных прусского короля. Празднование 400-летия дома Гогенцоллернов должно было создать в умах населения представление о длительной и неразрывной связи прусского народа и правящей династии, которая в данной трактовке выступала как «истинная», «национальная» [Hagemann: 2000, P. 493–494].

Второй важный элемент образа короля – религиозный – выходил далеко за пределы традиционного представления о монархе, данном народу самим Богом. Связь между прусским народом и правящим домом Гогенцоллернов объявлялась сакральной и священной, ибо, как это преподносилось в официальной пропаганде, она была установлена самим Господом, и быть верным подданным «своего» короля означало следовать этому Божественному установлению. Особенно подчеркивалось то обстоятельство, что за 400 лет правящая династия Бранденбурга-Пруссии ни разу не прервалась, у каждого правителя имелись наследники мужского пола, в т. ч. и у короля Фридриха Вильгельма III, что интерпретировалось как благоволение Господа к прусскому народу, который не мог и не должен был лишиться исконного правителя¹.

Пожалуй, единственным случаем в истории, когда могла быть нарушена священная связь между прусским народом и королем, был военно-политический кризис 1806–1807 гг. Однако в годы Освободительных войн те бурные события приобрели совершенно иное значение. В проповедях и патриотической лирике создавался образ короля-мученика, который безо всякой вины со своей стороны был изгнан из собственной столицы и чуть не лишился данного ему Богом трона². Король принял на себя тяжкие мучения за свой народ и за свою страну, он страдал точно так же, как и его народ – эта идея четко звучала уже в манифесте Фридриха Вильгельма III «К моему народу»³, а также всячески укоренялась в сознании населения через средства официальной пропаганды. Физические и моральные страдания, ставшие следствием наполеоновского вторжения, еще сильнее укрепили ту невидимую связь, связывавшую прусский народ и его монарха, который принес немало жертв ради своих подданных.

Еще одним важным элементом образа короля являлось представление монарха в качестве отца всей прусской нации. Исследовательница Карен Хагеманн отмечает, что в начале XIX в. нация очень часто представлялась как большая патриархальная семья, во главе которой стояли «отец» – король, «мать» – королева, подданные же должны были любить своих правителей как дети любят родителей [Hagemann: 1996, P. 589]. Этот тезис полностью подтверждается примером Пруссии, где король действительно представ-

¹ Ehrenberg F. Predigt bei der Feyer der vierhundertjährigen Regierung des Hauses Hohenzollern und zum Andenken an die Schlacht bei Leipzig. Berlin, 1815. S. 7.

² Feuerlein G. Gedichte. Nürnberg, 1815. S. 58.

³ Universal-Geschichte unsers Zeitalters... S. 89.

лялся как «отец нации», «отец прусского народа». К примеру, в феврале 1814 г. проповедник из Гданьска Эрнст Бёкель, вспоминая о периоде, когда город был оторван от прусского королевства, убеждал свою паству: «После семи долгих лет, когда мы, словно сироты, лишённые своего отца, терпели всяческие жестокости и несправедливости, теперь с Божьей помощью возвращаемся под защиту нашего благородного короля... Не должны ли мы гордиться тем, что мы снова являемся подданными нашего короля, детьми нашего отца?»¹. В другой проповеди 1813 г. мы читаем: «Бог требует от вас сбросить оковы рабства, которые наложил на нас жестокий тиран [Наполеон. – Д. С.], ибо если у народа нет свободы, то у него нет ни добродетели, ни благочестия... Мы должны принести эту жертву ради нашего короля, справедливого и высокопочтимого отца Отечества, неподдельная любовь к которому бьется в сердце нашего народа... Прусские подданные всегда отличались любовью и верностью к своему королю, поэтому сегодня мы должны быть готовы сражаться ради него до последней капли крови, в противном случае мы просто недостойны иметь такого благородного правителя»². В устах проповедника обязанность каждого пруссака защищать короля и Отечества стилизуется как долг сына перед отцом. Практически каждая проповедь 1813–1815 гг. заканчивалась обязательной молитвой, в которой король упоминался как «отец», а его подданные – как «дети». Образ короля-отца также достаточно часто встречается в патриотической лирике³.

Таким образом, в прусском патриотическом дискурсе 1813–1815 гг. король Пруссии выступал как «исконный», «национальный» монарх, связанный со своим народом 400-летней историей, как правитель, страдавший за свой народ и принесший жертвы ради него (король-мученик) и как глава большой патриархальной семьи, за которую он несет ответственность перед Богом (король-отец). Однако не менее важной фигурой, призванной укрепить в пруссаках патриотические и династические чувства, являлась умершая еще в 1810 г. королева Луиза, супруга Фридриха Вильгельма III и мать будущего короля Фридриха Вильгельма IV и германского императора Вильгельма I. Если Фридрих Вильгельм III выступал как «отец Отечества», то королева Луиза была,

¹ Böckel E.G.A. Religionsvorträge, bei besonderen Gelegenheiten gehalten. Berlin, 1816. S. 3, 11.

² Köhler K.A. Welche Pflichten fordert die hochwichtige Zeit von uns? Berlin, 1813. S. 12–13.

³ Mächler, K.F. Gedichte. Niedergelegt auf dem Altar des Vaterlandes. Berlin, 1813. S. 52.

безусловно, «матерью Отечества», матерью всего прусского народа [Schönprflug: 2010, P. 12]. Миф о королеве Луизе, который стал закладываться еще при ее жизни, достиг своего расцвета как раз в годы Освободительных войн, когда был создан образ яркой прусской патриотки и святой мученицы, принесшей себя в жертву ради спасения нации. Прямая логическая связь проходила между смертью королевы и теми страданиями и унижениями, которым она подверглась в 1806–1807 гг. ради того, чтобы спасти Пруссию от полного уничтожения. В рамках этой трактовки война против Франции представлялась как обязанность каждого пруссака отомстить за гибель своей «матери» [Förster: 2011, P. 50]. Прусское правительство прилагало все усилия к тому, чтобы сохранить и популяризовать образ «святой королевы» в сознании пруссаков. Так, именно в день рождения своей покойной супруги, 10 марта 1813 г., Фридрих Вильгельм III подписал указ об учреждении знаменитого Железного креста – прусского ордена, который должен был вручаться всем лицам, отличившимся в войне против Франции, невзирая на ранг и сословие. Тем самым королева Луиза стала символом единства всех классов и сословий прусского общества [Becker: 2001, P. 312]. Уже в эпоху войн за объединение Германии (1864–1871) королева Луиза будет восприниматься как общенемецкий национальный символ [Wülfing: 2008, P. 131–132], в 1813–1815 гг. она еще пока оставалась «матерью прусского народа» и важнейшим патриотическим символом, как это зачастую формулировалось в источниках, «прусской нации»⁴.

Прусский династический патриотизм опирался на вполне конкретное представление о прусском Отечестве. Слово «Отечество» (Vaterland) очень часто встречается в источниках 1813–1815 гг., пожалуй, это одно из наиболее часто употребляемых слов из всего политического лексикона эпохи Освободительных войн. В проповедях, лирике, публицистике и официальных документах под словом «Отечество» чаще всего подразумевалась именно Пруссия, если же речь шла о Германии, то употреблялись такие словосочетания, как «немецкое Отечество» (deutsches Vaterland) или «Отечество немцев» (Des Deutschen Vaterland) [Hagemann: 2000, P. 189], тем самым делалось четкое различие между своим непосредственным Отечеством (Пруссией) и всей Германией в целом. Исследователи отмечают, что особенно активно понятия «немец-

⁴ Beilage zum 147. Stück der Berlinischen Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen (vom 8ten Dezember 1814).

кое Отечество», «немецкий» использовались в прусском патриотическом дискурсе лишь весной 1813 г., начиная же с осени 1813 г. и в особенности после Лейпцигского сражения слово «немецкий» встречается все реже [Graf: 1993, P. 80]. При этом нужно отметить, что представления о «немецком Отечестве» оставались весьма размытыми и неопределенными, в основном речь шла о тех территориях, где говорили на немецком языке, в редких случаях речь шла о каких-то конкретных политических очертаниях Германии. Хотя в своей проповеди от 28 марта 1813 г. знаменитый философ и теолог Фридрих Шлейермахер и требовал от прусских солдат «гнать врага до последней границы немецкого Отечества»¹, вряд ли он сам четко представлял, где именно пролегает эта самая граница. Примечательным является тот факт, что это единственный случай употребления слова «немецкий» за всю проповедь, во всех остальных случаях Шлейермахер говорит просто об «Отечестве», подразумевая под ним, естественно, Пруссию. В целом можно утверждать, что Германия оставалась некоей абстракцией, которая вряд ли могла стать эффективным средством мобилизации населения Пруссии на войну против Франции.

Иначе дело обстояло с Пруссией, которая не была абстракцией и имела вполне четкие, хоть и воображаемые границы – это все те территории, которые находились под скипетром прусского короля. Таким образом, понимание Отечества было чисто государственным – его границы заканчивались там, где заканчивалась власть прусского короля. Здесь стоит сделать небольшую оговорку. Как в XVIII в., так и для начала XIX в. для Пруссии был характерен достаточно сильно развитый регионализм, прусское королевство не являлось централизованным государством с единой для всей страны административной и юридической системой, отдельные области и территории продолжали сохранять свою специфику, в каждом регионе существовало и свое собственное, местечковое самосознание. Подобный регионализм можно наблюдать на примере географического происхождения добровольцев, отправлявшихся по призыву короля воевать против Франции. Больше всего добровольцев происходило из Бранденбурга, центральной провинции Прусского королевства, где располагалась и резиденция короля – Берлин. Меньше всего добровольцев дали западные провинции (Вестфалия) и Западная Пруссия, где привязанность к династии была не такой высокой, как в центральных рай-

она королевства [Ibbeken: 1970, P. 419]. По всей видимости, прусское правительство имело представление о подобном регионализме, для преодоления которого и проводились реформы Штайна-Гарденберга, однако к 1813 г. региональная специфика продолжали играть существенную роль в прусской политической жизни. По этой причине можно утверждать, что и Пруссия как некое общее для всех пруссаков Отечество оставалась в определенном смысле умозрительной абстракцией. Но в то же самое время прусское Отечество было и реальностью, ибо оно требовало от каждого пруссака лояльности к себе, оно провозглашалось единственной высшей ценностью, ради которой можно и нужно было приносить материальные и физические жертвы, его защита от врагов объявлялась священной обязанностью каждого жителя Пруссии. Прусское политическое руководство прилагало все усилия для того, чтобы, пользуясь терминологией Рудольфа Иббекена, из абстрактной идеи Пруссия превратилась для своих жителей в реально существующее Отечество.

В политическом лексиконе начала эпохи Наполеоновских войн также часто использовалось понятие «нации». Чаще всего под «нацией» понимали население того или иного территориального государства, к примеру, в источниках можно найти упоминания «саксонской нации» или «баварской нации» [Kaiser: 1961, P. 34]. Существовало представление и о прусской нации. В начале XIX в. под нацией в Пруссии понимали политическую общность, объединенную единой волей и единым национальным интересом [Levinger: 2000, P. 48], таким образом, прусская нация представлялась как нация политическая. Как и в случае с «пруссим Отечеством», «прусская нация» во многом являлась воображаемым сообществом, идеей, носителями которой в первую очередь являлись высшие слои общества, бюрократия и интеллектуальная элита. В то же самое время «прусская нация» имела некие реальные черты, которые в чем-то сближали ее с современным пониманием нации. У нее был свой «национальный» лидер в лице короля, эта нация была привязана к конкретному государству, имелись также и представления о некоем прусском «национальном» характере, тех качествах и чертах, которые были присущи именно пруссакам и которые отличали их от других народов. В источниках можно найти упоминание самых разных черт прусского национального характера, но наиболее четко и ясно их выделил, пожалуй, Фридрих Шлейермахер в своей проповеди 1808 г., посвященной дню рождения короля Фридриха II

¹ Schleiermacher F. Predigt am 28. März 1813. Berlin, 1813. S. 23.

Великого. В этой проповеди Шлейермахер называл те особенности национального духа пруссаков, которые наиболее часто встречаются и в других источниках: работоспособность, экономность, скромность, честность, справедливость, строгое соблюдение законности и правопорядка, религиозность и верность своему правителю¹. Все эти исконно прусские качества и добродетели Шлейермахер объявлял как данные прусскому народу самим Богом, тем самым национальные особенности пруссаков приобретали священный, сакральный характер.

Кроме того, еще с конца XVIII в. также стало формироваться представление о прусской «национальной» истории, которая уходила вглубь веков, при этом авторы чаще всего параллельно описывали историю Бранденбурга и Восточной Пруссии, пытаясь показать историческую связь между этими двумя основными территориями Прусского королевства². Имелись у «прусской нации» и свои «национальные» герои, как в прошлом, так и в настоящем. Пожалуй, самым популярным героем Пруссии был король Фридрих II Великий, чье имя особенно часто встречается в прусских источниках периода Освободительных войн и упоминается также наряду с Великим курфюрстом Фридрихом Вильгельмом в манифесте Фридриха Вильгельма III «К моему народу»³. Национальные герои имелись и в современной истории, ими, безусловно, являлись наиболее выдающиеся генералы прусской армии, которые снижали славу и уважение в годы Освободительных войн. Наиболее популярными фигурами были Гебхард фон Блюхер, Герхард фон Шарнхорст, Людвиг Йорк фон Вартенбург, чьи портреты и бюсты демонстрировались во всех общественных местах, в т. ч. и в церквях, таким образом, почитание героев Освободительных войн приобретало практически религиозный характер [Трох: 1990, Р. 47]. Война против Наполеона дала Пруссии целый пантеон национальных героев и мучеников, которые пали смертью храбрых в битвах и сражениях с врагом за короля и Отечество. Чтобы почтить память всех павших, 4 июля 1816 г. в Пруссии было организовано общегосударственное траурное мероприятие – День поминовения прусских солдат, отдавших жизни ради спасения

Родины [Graf: 1993, Р. 101]. Кроме того, правительство предписывало в обязательном порядке вывешивать в церквях полковые знамена, имена добровольцев того или иного прихода, а также тех, кто был награжден Железным крестом. Ордена, награды и личные вещи погибших солдат с разрешения родственников также могли выставляться в местных храмах [Echternkamp: 2001, Р. 159]. Тем самым почитание «национальных» героев, к числу которых могли относиться и лица из низших сословий, теряло свой элитарный характер и становилось общенародным явлением.

Наконец, у Пруссии имелась своя «национальная» армия, над созданием которой трудился крупнейший прусский реформатор Герхард фон Шарнхорст. Еще накануне войны 1806 г. он предлагал королю создать в стране народное ополчение, война против Франции, по задумке генерала, должна была стать общенациональным событием [Kunisch: 1992, Р. 210]. Тогда никто не прислушался к этим советам, и Пруссия войну проиграла. Однако Фридрих Вильгельм III извлек урок из данной ситуации и в 1807 г. поручил именно Шарнхорсту проведение военной реформы, которая должна была модернизировать прусскую армию и восстановить ее боеспособность. Военные реформы проводились в соответствии с формулой: «Все жители государства являются его прирожденными защитниками» [Müller: 2009, Р. 169]. Одно из самых главных мероприятий, проведенных прусскими военными реформаторами, заключалось во введении запрета на привлечение в армию иностранных наемников – отныне можно было говорить о чисто прусской «национальной» армии. Кроме того, упразднялись телесные наказания, а также открывался доступ в офицерский корпус для лиц неблагородного происхождения. По задумке Шарнхорста, общество должно было ассоциировать себя с теми целями войны, которое ведет государство. Только в этом случае, как полагал реформатор, можно было добиться успеха и восстановить авторитет Пруссии как внутри государства, так и на международной арене.

Финальной точкой стало введение всеобщей воинской повинности, на чем настаивал Шарнхорст весной 1813 г. В меморандуме конца марта 1813 г. Шарнхорст убеждал Фридриха Вильгельма III: «Нынешняя война – это не обычная война. Борьба идет не за отдельную провинцию, а ради защиты трона, ради независимости нации, за высшие блага и ценности нашей жизни... Для достижения победы мы должны приложить все усилия: каждый житель государства, относится

¹ Schleiermacher F. Ueber die rechte Verehrung gegen das einheimische Große aus einer früheren Zeit. In: Predigten von F. Schleiermacher. Berlin, 1808. S. 296–300.

² Grimm J.K.P. Handbuch der Geschichte der preussisch-brandenburgischen Staaten. Erster Band. Breslau, 1797; Baczko L. von. Geschichte Preussens. Fünfter Band. Königsberg, 1798.

³ Universal-Geschichte unsers Zeitalters seit dem Anfange der französischen Revolution, nebst Anekdoten... S. 90.

он к армии или нет, обязан прямо или косвенно принять участие в этой борьбе. Только подобное распоряжение [о создании народного ополчения. – Д. С.], которое приведет в движение все силы нации, может спасти трон и обеспечить нашу независимость... Если мы не задействуем все находящиеся в нашем распоряжении силы, способные обеспечить защиту государства, не только действующую армию, но физические и моральные силы всей нации, то мы никогда не добьемся успеха»¹. На этот раз король послушал своих советников, и в марте 1813 г. в Пруссии была создана национальная милиция – Ландвер. Кроме того, были созданы и другие, чисто добровольческие военные формирования (отряды егерей). Фактически весной 1813 г. в Пруссии была введена всеобщая воинская повинность (официально введена 3 сентября 1814 г. специальным законом, автором которого был военный министр Германн фон Бойен). В результате Освободительных войн Пруссия получила свою собственную «национальную» армию, служба в которой стала обязанностью каждого пруссака.

¹ Gerhard von Scharnhorst. Private und dienstliche Schriften. Band 8. Tragischer Vollender (Preußen 1813). Köln, 2014. S. 153–156.

Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что в эпоху Освободительных войн в Пруссии по крайней мере на уровне элит было сформировано представление о некоей единой политической общности, во главе которой стоял монарх и к которой применялось понятие «нация». У этой общности имелась своя история, свои «национальные» герои, своя «национальная» армия, прусский народ являлся носителем особых традиций и качеств, которые отличали его от других народов. Пример Пруссии подтверждает тезис Фолькера Зеллина о том, что в начале XIX в. процесс образований наций происходил не на уровне всей Германии в целом, а на уровне территориальных государств [Sellin: 1988, P. 258]. В наполеоновскую эпоху немецкая нация оставалась абстракцией с весьма сомнительным мобилизационным потенциалом, прусская нация же была вполне реальным и осязаемым явлением. Изучение аналогичных процессов в других немецких государствах (Бавария, Вюртемберг, Саксония, Ганновер) позволило бы обратить внимание исследователей на фактор партикуляризма и переосмыслить значение Освободительных войн в истории Германии.

Список литературы

1. Национальная идея в Западной Европе в Новое время. М., 2005. 496 с.
2. Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007. 708 с.
3. Прокопов С.В. Борьба Пруссии за единство Германии на Венском конгрессе 1814–1815 // Вопросы гуманитарных наук. 2005. № 4 (19). С. 73–78.
4. Akaltin F. Die Befreiungskriege im Geschichtsbild der Deutschen im 19. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1997. 318 s.
5. Becker F. Bilder von Krieg und Nation: die Einigungskriege in der bürgerlichen Öffentlichkeit Deutschlands 1864–1913. Oldenburg, 2001. 601 s.
6. Brandt P. Die Befreiungskriege von 1813 bis 1815 in der deutschen Geschichte. In: Geschichte und Emanzipation. Festschrift für Reinhard Rürup. Hg. von Michael Grüttner, Rüdiger Hachtmann, Heinz-Gerhard Haupt. Frankfurt am Main, 1999. S. 17–57.
7. Carl H. Mythos des Befreiungskrieges. Die „martialische Nation“ im Zeitalter der Revolutions- und Befreiungskriege 1792–1815 // Föderative Nation. Deutschlandkonzepte von der Reformation bis zum Ersten Weltkrieg. Herausgegeben von Dieter Langewiesche und Georg Schmidt. München, 2000. S. 63–82.
8. Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland. 1770–1990. München, 1994. 363 s.
9. Droysen J.G. Vorlesungen über die Freiheitskriege. Zweiter Theil. Kiel, 1846. 732 s.
10. Echternkamp J. “Religiöses Nationalgefühl” oder “Frömmerei der Deutschtümler”? Religion, Nation und Politik im Frühnationalismus // Haupt H.-G., Langewiesche D. (Hg.). Nation und Religion in der deutschen Geschichte. Frankfurt am Main, 2001. S. 142–169.
11. Förster B. Der Königin Luise-Mythos: Mediengeschichte des “Idealbilds deutscher Weiblichkeit”, 1860–1960. Göttingen, 2011. 493 s.
12. Graf G. Ermittlungen zur preußischen Kriegspredigt 1813–1815. In: Pietismus und Neuzeit. Ein Jahrbuch zur Geschichte des neueren Protestantismus. Band 9. Schwerpunkt: Kirche und Frömmigkeit im Übergang vom 18. zum 19. Jahrhundert. Göttingen, 1983. S. 32–55.
13. Graf G. Gottesbild und Politik. Eine Studie zur Frömmigkeit in Preußen während der Befreiungskriege 1813–1815. Göttingen, 1993. 160 s.

14. Häusser L. Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Großen bis zur Gründung des deutschen Bundes. Berlin, 1869. 755 s.
15. Hagemann K. "Männlicher Muth und teutsche Ehre". Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der antinapoleonischen Kriege in Deutschland. Paderborn, 2000. 550 s.
16. Hagemann K. Nation, Krieg und Geschlechterordnung. Zum kulturellen und politischen Diskurs in der Zeit der antinapoleonischen Erhebung Preußens 1805–1815 // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft. 22. Jahrgang/Heft 4. Oktober-Dezember 1996. Militärgeschichte Heute. S. 562–591.
17. Hagemann K. Revisiting Prussia's Wars against Napoleon. History, Culture and Memory. Cambridge, 2015. 485 p.
18. Handbuch der preußischen Geschichte. Band II. Das 19. Jahrhundert und Große Themen der Geschichte Preußens. Herausgegeben von Otto Büsch. Berlin, 1992. 872 s.
19. Ibbeken R. Preußen 1807–1813. Staat und Volk als Idee und in Wirklichkeit. Köln, 1970. 475 s.
20. Kaiser G. Pietismus und Patriotismus im literarischen Deutschland. Ein Beitrag zum Problem der Säkularisation. Wiesbaden, 1961. 367 s.
21. Kunisch J. Fürst – Gesellschaft – Krieg. Studien zur bellizistischen Disposition des absoluten Fürstentums. Köln, 1992. 310 s.
22. Levinger M. Enlightened nationalism. The transformation of Prussian political culture 1806–1848. Oxford, 2000. 322 p.
23. Mirow J. Das alte Preussen im deutschen Geschichtsbild seit der Reichsgründung. Berlin, 1981. 401 s.
24. Müller R.-D. Militärgeschichte. Köln, 2009. 376 s.
25. Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1800–1816. Bürgerwelt und starker Staat. München, 1994. 842 s.
26. Planert U. Der Mythos vom Befreiungskrieg. Frankreichs Kriege und der deutsche Süden. Alltag – Wahrnehmung – Deutung. 1792–1841. Paderborn, 2007. 739 s.
27. Prignitz Ch. Vaterlandsliebe und Freiheit. Deutscher Patriotismus von 1750 bis 1850. Wiesbaden, 1981. 221 s.
28. Schönplüg D. Luise von Preußen: Königin der Herzen. Eine Biographie. München, 2010. 286 s.
29. Sellin V. Nationalbewusstsein und Partikularismus in Deutschland im 19. Jahrhundert. In: Kultur und Gedächtnis. Herausgegeben von Jan Assmann und Tonio Hölscher. Frankfurt am Main, 1988. S. 241–264.
30. Simon K. Die deutsche Frage vom Reichsende bis zur Reichsgründung (1806–1871). Tübingen, 2010. 446 s.
31. Sybel H. von. Die Erhebung Europas gegen Napoleon I. München, 1860. 153 s.
32. Treitschke H. von. Deutsche Geschichte im Neunzehnten Jahrhundert. Erster Theil. Bis zum zweiten Pariser Frieden. Leipzig, 1904. 790 s.
33. Trox E. Militärischer Konservatismus. Kriegervereine und "Militärpartei" in Preußen zwischen 1815 und 1848/49. Stuttgart, 1990. 347 s.
34. Willms J. Nationalismus ohne Nation. Deutsche Geschichte von 1789 bis 1914. Düsseldorf, 1983. 777 s.
35. Wülfing W. Mythenkonkurrenzen: Luise vs. Napoleon // Marion George, Andrea Rudolph (Hg.). Napoleons langer Schatten über Europa. Dettelbach, 2008. S. 119–136.

Сведения об авторе

Стерхов Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории медицины и социально-гуманитарных наук, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова. Москва, Россия. enkiddu@mail.ru

Magistra Vitae.

2017. No 2. P. 67–78.

KING, FATHERLAND AND THE PRUSSIAN NATION. STATE-BOUND PATRIOTISM IN PRUSSIA DURING WARS OF LIBERATION (1813–1815)

D. V. Sterkhov

Russian National Research Medical University, Moscow, Russia. enkiddu@mail.ru

The Wars of Liberation (1813–1815) are conventionally considered as a key episode of the German national history, a period of the rise of the mass German national movement. This approach was elaborated by the 19th-century historians of the so-called Prussian School of History and is still to be found in the modern scientific research. The recent historical studies focus however on local patriotism and German regionalism. The latest research has given strong evidence of the fact that the process of nation-building in Germany in the beginning of the 19th century took place on the level of separate territorial states. This thesis can be supported by the example of Prussia where the bureaucratic elites, confronted by the Napoleonic aggression, were compelled to create a new patriotic ideology which was state-bound, religious and royalist at the same time. The most important element of this ideology was the image of the King who was pictured as the national leader given to the people of Prussia by God, Father of all Prussians. In the sources Prussia was referred to as “Fatherland”, the holy duty of every Prussian citizen was to defend his country and even die for it. All subjects of the Prussian king were imagined as an ideally harmonious political community possessing a unitary interest and a unitary will. This “Prussian nation” had its own national history, national heroes and since 1813 even national army based on the universal military conscription. The German national propaganda in Prussia was surprisingly moderate and went gradually down after the Battle of Leipzig. The study of the Prussian patriotism side by side with similar patriotic ideologies in other German states (such as Bavaria, Saxony, Baden) might be conducive to reconsidering the significance of Wars of Liberation in the German history.

Keywords: *Wars of Liberation, Napoleonic Wars, Prussia, Frederick William III, Queen Louise of Prussia, local patriotism, German nationalism, religious patriotism, Gerhard von Scharhorst, House of Hohenzollern.*

References

1. Nacional'naja ideja v Zapadnoj Evrope v Novoe vremja (2005) [The national idea in Western Europe in the Modern Era]. 496 p. Moscow. (In Russ.).
2. Patrushev, A. I. (2007). *Germanskaja istorija: cherez ternii dvuh tysjacheletij* [Two thousand years of German history: through suffering to renown]. 708 p. Moscow. (In Russ.).
3. Prokopov, S. V. (2005). Bor'ba Prussii za edinstvo Germanii na Venskom kongresse 1814–1815 [The struggle of Prussia for the German unity on the Congress of Vienna], *Voprosy gumanitarnyh nauk*, 4 (19), pp. 73–78. (in Russ.).
4. Akaltin, F. *Die Befreiungskriege im Geschichtsbild der Deutschen im 19. Jahrhundert* (1997) [Wars of Liberation in the historical narrative of the Germans in the 19th century]. 318 p. Frankfurt am Main. (In German).
5. Becker, F. (2001). *Bilder von Krieg und Nation: die Einigungskriege in der bürgerlichen Öffentlichkeit Deutschlands 1864–1913* [Images of War and Nation. Wars of German unification and the German public opinion 1864–1913]. 601 p. Oldenburg. (In German).
6. Brandt, P. *Die Befreiungskriege von 1813 bis 1815 in der deutschen Geschichte* [The Wars of Liberation 1813–1815 in the German history]. In Grüttner, M., Hachtmann, R., Haupt, H.-G. (eds.). (1999). *Geschichte und Emanzipation. Festschrift für Reinhard Rürup* (pp. 17–57). Frankfurt am Main. (In German).
7. Carl, H. *Mythos des Befreiungskrieges. Die „martialische Nation“ im Zeitalter der Revolutions- und Befreiungskriege 1792–1815* [The myth of a Liberation War. The „nation in arms“ in the epoch of Revolutionary and Liberation Wars 1792–1815]. In Langewiesche, D. & Schmidt, G. (eds.). (2000). *Föderative Nation. Deutschlandkonzepte von der Reformation bis zum Ersten Weltkrieg* (pp. 63–82). München. (In German).
8. Dann, O. (1994). *Nation und Nationalismus in Deutschland. 1770–1990* [Nation and nationalism in Germany, 1770–1990]. 363 p. München. (In German).
9. Droysen, J.G. (1846). *Vorlesungen über die Freiheitskriege. Zweiter Theil* (Lectures on Wars of Liberation. Part 2]. 732 p. Kiel. (In German).
10. Echternkamp, J. “Religiöses Nationalgefühl” oder “Frömmerei der Deutschtümler”? Religion, Nation und Politik im Frühnationalismus [“Religious national feeling” or “bigotry of Germanomaniacs”? Religion, nation and politics in the early phase of the nationalism]. In Haupt, H.-G., Langewiesche, D. (eds.). (2001). *Nation und Religion in der deutschen Geschichte* (pp. 142–169). Frankfurt am Main. (In German).
11. Förster, B. (2011). *Der Königin Luise-Mythos: Mediengeschichte des “Idealbilds deutscher Weiblichkeit”, 1860–1960* [The myth of the Queen Louise. Media history of the “ideal of the German femininity”, 1860–1960]. 493 p. Göttingen. (In German).

12. Graf, G. (1983). Ermittlungen zur preußischen Kriegspredigt 1813–1815 [Studies on the Prussian war sermon 1813–1815]. In *Pietismus und Neuzeit. Ein Jahrbuch zur Geschichte des neueren Protestantismus. Band 9. Schwerpunkt: Kirche und Frömmigkeit im Übergang vom 18. zum 19. Jahrhundert* (pp. 32–55). Göttingen. (In German).
13. Graf, G. (1993). Gottesbild und Politik. Eine Studie zur Frömmigkeit in Preußen während der Befreiungskriege 1813–1815 [The image of God and politics. A study on piety in Prussia during the Wars of Liberation 1813–1815]. Göttingen. 160 p. (In German).
14. Häusser, L. (1869). *Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Großen bis zur Gründung des deutschen Bundes* (The German history from the death of Frederick the Great until the founding of the German Confederation). Berlin. 755 p. (In German).
15. Hagemann, K. (2000). “Männlicher Muth und teutsche Ehre. Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der antinapoleonischen Kriege in Deutschland [“Masculine bravery and German honor”. Nation, war and gender in the epoch of Anti-Napoleonic Wars in Germany]. 550 p. Paderborn. (In German).
16. Hagemann, K. Nation, Krieg und Geschlechterordnung. Zum kulturellen und politischen Diskurs in der Zeit der antinapoleonischen Erhebung Preußens 1805–1815 [Nation, war and gender order. The cultural and political discourse in the epoch of the Prussian Anti-Napoleonic upheaval 1805–1815]. In *Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft. 22. Jahrgang/Heft 4. Oktober-Dezember 1996. Militärgeschichte Heute* (pp. 562–591). (In German).
17. Hagemann, K. (2015). Revisiting Prussia’s Wars against Napoleon. History, Culture and Memory. 485 p. Cambridge.
18. Büsch, O. (ed.). (1992). Handbuch der preußischen Geschichte. Band II. Das 19. Jahrhundert und Große Themen der Geschichte Preußens [Handbook of Prussian history. Volume 2. The 19th century and major topics of history of Prussia]. 872 p. Berlin. (In German).
19. Ibbeken, R. (1970). Preußen 1807–1813. Staat und Volk als Idee und in Wirklichkeit [Prussia 1807–1813. State and people as idea and reality]. 475 p. Köln. (In German).
20. Kaiser, G. (1961). Pietismus und Patriotismus im literarischen Deutschland. Ein Beitrag zum Problem der Säkularisation [Pietism and patriotism in the literary Germany. A study on the problem of secularization]. 367 p. Wiesbaden. (In German).
21. Kunisch, J. (1992). Fürst – Gesellschaft – Krieg. Studien zur bellizistischen Disposition des absoluten Fürstenstaates [Prince – Society – War. Studies on bellicistic disposition of an absolute princely state]. 310 p. Köln. (In German).
22. Levinger, M. (2000). Enlightened nationalism. The transformation of Prussian political culture 1806–1848. 322 p. Oxford.
23. Mirow, J. (1981). Das alte Preussen im deutschen Geschichtsbild seit der Reichsgründung [The old Prussia in the German historical narrative since the foundation of the German Empire]. 401 p. Berlin. (In German).
24. Müller, R.-D. (2009). Militärgeschichte [Military history]. 376 p. Köln. (In German).
25. Nipperdey, Th. (1994). Deutsche Geschichte 1800–1866. Bürgerwelt und starker Staat [German history 1800–1866. Bourgeois world and a strong state]. 842 p. München. (In German).
26. Planert, U. (2007). Der Mythos vom Befreiungskrieg. Frankreichs Kriege und der deutsche Süden. Alltag – Wahrnehmung – Deutung. 1792–1841 [A myth of a Liberation War. French Wars and the German South. Everyday life – perception – interpretation. 1792–1841]. 739 p. Paderborn. (In German).
27. Prignitz, Ch. (1981). Vaterlandsliebe und Freiheit. Deutscher Patriotismus von 1750 bis 1850 [Love for the country and freedom. German patriotism from 1750 until 1850]. 221 p. Wiesbaden. (In German).
28. Schönplüg, D. (2010). Luise von Preußen: Königin der Herzen. Eine Biographie [Louise of Prussia. The Queen of hearts. A biography]. 286 p. München. (In German).
29. Sellin, V. Nationalbewusstsein und Partikularismus in Deutschland im 19. Jahrhundert [National consciousness and Particularism in Germany in the 19th century]. In Assmann, J. & Hölscher, T. (eds.). (1988). *Kultur und Gedächtnis* (pp. 241–264). Frankfurt am Main. (In German).
30. Simon, K. (2010). Die deutsche Frage vom Reichsende bis zur Reichsgründung (1806–1871) [The German question from the end of the Reich until the founding of the German Empire, 1806–1871]. 446 p. Tübingen. (In German).
31. Sybel, H. von (1860). Die Erhebung Europas gegen Napoleon I [The upheaval of Europe against Napoleon I]. 153 p. München. (In German).

32. Treitschke H. von (1904). *Deutsche Geschichte im Neunzehnten Jahrhundert. Erster Theil. Bis zum zweiten Pariser Frieden* [German history in the 19th century. Volume 1. Until the Second Treaty of Paris]. 790 p. Leipzig. (In German).

33. Trox, E. (1990). *Militärischer Konservatismus. Kriegervereine und „Militärpartei“ in Preußen zwischen 1815 und 1848/49* [Military conservatism. Veterans' organizations and the "Military Party" in Prussia between 1815 and 1848/49]. 347 p. Stuttgart. (In German).

34. Willms, J. (1983). *Nationalismus ohne Nation. Deutsche Geschichte von 1789 bis 1914* [Nationalism without nation. German history from 1789 until 1914]. 777 p. Düsseldorf. (In German).

35. Wülfing, W. *Mythenkonkurrenzen: Luise vs. Napoleon* [The competition of myths: Louise of Prussia vs. Napoleon]. In George, M. & Rudolph, A. (eds.). (2008). *Napoleons langer Schatten über Europa*. Dettelbach (pp. 119–136). (In German).